

МАТЕРИАЛЫ ДИСКУССИИ ОБ ИТОГАХ И ПЕРСПЕКТИВАХ ЕГЭ

18 ноября 2004 года в Высшей школе экономики состоялось заседание Российского общественного совета по развитию образования (РОСПО) на тему «Итоги и перспективы ЕГЭ». В работе заседания приняли участие руководители образовательного ведомства, ректоры вузов, директора школ, ученые, преподаватели, учителя из разных регионов России. Предлагаем вашему вниманию выдержки из стенограммы заседания.

Заседание открыл **Я.И. Кузьминов**, ректор ГУ-ВШЭ: «На повестке дня стоит вопрос, который не только был центральным пунктом образовательной политики России в последние пять лет, но стал определенным символом этой политики — Единый государственный экзамен. Именно ЕГЭ есть то очень большое изменение, которое за первый президентский срок Президента Путина удалось провести в социальной сфере.

Разворачивание ЕГЭ очень осторожное. Это реформа, которая всесторонне обдумывается. Возник целый ряд «развилочек» и в содержании этого испытания, и в организации процесса, которые не определены. Если мы не хотим, чтобы вариант движения выбрал за нас какой-нибудь чиновник, мы должны предложить власти свое видение проблем ЕГЭ. Нужно уловить реальные альтернативы, которые есть, и оценить преимущества и риски каждого из альтернативных решений.

ЕГЭ должен рассматриваться сразу в двух системах координат: как элемент общенациональной системы независимой оценки качества школьного образования и как инструмент для отбора абитуриентов. Первая развилка, которую нужно обсудить, — каким образом строить выпускную политику школы. Какие здесь есть варианты? Первый — это добровольный выбор между двумя формами итоговой аттестации: кто хочет, сдает ЕГЭ, кто не хочет, получает аттестат по школьным оценкам, но это аттестат категории «Б», который не дает право поступать на следующие ступени образования.

Второй: ЕГЭ — это объективное национальное испытание, его обязаны проходить все. Но тогда у нас 20% школьников не получают положительных оценок — это объективная реальность. Что делать с ними? Есть и промежуточный вариант: человек может поступать в институт с «двойкой», если речь идет о непрофильных для вуза предметах.

Вторая развилка — ЕГЭ и вузы. Здесь тоже несколько вариантов. Первый — жесткий: ЕГЭ (и, разумеется, рядом с ним система федеральных предметных олимпиад и конкурсов) — это главный инструмент зачисления. Второй: в ЕГЭ и олимпиадах участвуют только те, кто собирается поступать в вуз. Третий вариант — самый мягкий, на нем настаивают многие ректоры: пусть федеральная система присвоения абитуриенту некоторого качества будет работать только для тех, кто претендует на бюджетную поддержку государства, а если вуз хочет кого-то зачислить на платное обучение, то это его дело, пусть вуз сам рискует своей репутацией.

Еще одна проблема — необходимость дополнительного экзамена в вузе. С творческими вузами понятно, но есть еще вопрос с отдельными «топовыми» вузами — МГУ, ГУ-ВШЭ и другими. Там процент с 97–100 баллами за ЕГЭ будет высок. В этом случае, я считаю, нужно дать возможность вузу отбирать среди них по своим критериям. А приезд тех, кто живет в отдаленных регионах, должно профинансировать государство, тем более что речь идет о выборе из очень талантливых детей.

Следующая развилка — это ЕГЭ и олимпиады. Все согласны с тем, что победители федеральных олимпиад (это примерно 200–300 человек по всей России), должны иметь возможность зачисляться в вуз по своему выбору. Но как быть с теми, кто на следующих ступенях, кто победил на окружном или региональном конкурсе (это 1500–2000 человек), у них какие права?

Мы собираемся сегодня обсудить только первую часть проблемы, связанной с ЕГЭ, — организационную. Содержанию ЕГЭ будет посвящено отдельное заседание».

Вслед за Я.И.Кузьминовым стали выступать члены рабочей группы по подготовке заседания РОСПО. Слово взял **Е.Л. Рачевский**, директор Центра образования «Царицыно» № 548 (Москва): «У нас никогда ни в советский, ни в постсоветский период не было ни одного объективного измерителя качества обученности детей. ЕГЭ может быть таким измерителем — при хорошем содержании и абсолютно понятной, объективной, открытой, эффективной и прозрачной процедуре. Задания ЕГЭ должны лежать в открытом доступе, они должны быть избыточными. Необходимо обязательство всех вузов

принимать результаты ЕГЭ, вне зависимости от того, ведущие они или ведомые. Должен действовать наполеоновский принцип континентальной блокады: когда хоть в одном месте есть прорыв, то тогда блокада не имеет смысла. Система сможет работать только в том случае, когда она будет одинакова для всех. Но при этом, конечно, есть дети со специальными возможностями и вузы со специальными потребностями.

Влияние ЕГЭ может привести, на мой взгляд, к перспективным изменениям, к адекватной оценке образовательной политики федерального, регионального и муниципального уровня. 20% двоек — это двойки не детям, это двойки государству в первую очередь. Это двойка региональному начальнику, это двойка Минфину, это двойка Президенту, в конце концов. Далее, введение этой системы должно привести наконец-то к реструктуризации, оптимизации образовательных сетей. Наконец система НПО действительно начнет конкурировать со старшей профильной школой.

Следующий момент: будут меняться педагогические технологии, которые не менялись за последние 200 лет, организационное, ресурсное обеспечение системы. Самое главное: граждане реализуют свое конституционное право знать правду про образовательную систему. Ведь потребитель нашей услуги не знает правду — ну показывают директора школы часто по телевизору, значит, школа хорошая.

Сегодня ЕГЭ, к сожалению, не есть идеальный инструмент, поскольку его нельзя в настоящем виде использовать для оценки качества школьного образования — как по содержанию, так и по процедуре, и по плавающим критериям. ЕГЭ нужно всячески развивать и совершенствовать. Я предлагаю, в качестве одного из изменений, чтобы ребенок выбирал два обязательных экзамена не из двух обязательных (русский и математика), а из пяти. А русский и математику обязательно сдавать после окончания 9 класса — тоже в системе ЕГЭ.

Еще один важный момент — портфолио. Я предлагаю сделать в образовательной системе единую электронную базу данных по детям, которые победили на разных олимпиадах, участвовали в чтениях, конкурсах, конференциях».

Следующее слово от рабочей группы берет **Г.Г. Канторович**, проректор ГУ-ВШЭ: «Россия осталась одной из последних стран, в которой существует система двухэтапной сдачи экзаменов в течение одного месяца. Абитуриент фактически может поступать только в один вуз, хотя юридически декларировано право выпускника поступать сразу в любое количество вузов, — при системе оч-

ной сдачи в течение фиксированного времени это право не может быть реализовано. Кроме того, всем известна ситуация с коррупцией. Все это делает необходимым введение ЕГЭ.

Какие развилки ЕГЭ рабочая группа выносит на обсуждение? Вариант первый: результаты ЕГЭ не учитываются вузами, они проводят собственные испытания, а ЕГЭ остается инструментом аттестации по курсу полной школы. Вариант второй: результаты ЕГЭ учитываются вузами; нужно обсудить формы, в которых может реализоваться этот учет. Стоит обсудить и возможную систему двухуровневых испытаний по ЕГЭ, когда уровень выбирается школьником добровольно, и одновременно добровольно вузы устанавливают для себя уровень испытаний.

Лично мне кажется, что можно предоставить выпускнику добровольность в следующем смысле. После сдачи ЕГЭ в школьной волне пусть выпускник решает, засчитывать ли этот результат на конкурсных испытаниях в вуз либо, если он не удовлетворен или чувствует, что в вузе сложилась ситуация очень высокого конкурса, пересдать ЕГЭ в вузовской волне. Возможно, повторные попытки нужно сделать платными.

Насчет олимпиад. Существует возможность проведения межрегиональных олимпиад и конкурсов пулами ведущих вузов, имеющих многолетний опыт проведения олимпиад. Нужно обсудить вопрос, как засчитывать результаты этих олимпиад при поступлении.

Еще один важный вопрос — потеря вузами стимулов работы со школьниками. Введение ЕГЭ не должно противоречить профориентационной работе вузов. Опыт проведения ЕГЭ в регионах показал, что те вузы, которые хотели и могли сохранить работу со школьниками, в том числе включая и их платные подготовительные курсы, благополучно сочетали эту профориентационную работу и ЕГЭ. Они не потеряли контингент школьников. А то, что они готовят вместо прямого экзамена в свой вуз к более унифицированному ЕГЭ, только позволяет снять подозрения в корыстной стороне профориентационной работы».

Затем началось обсуждение намеченных проблем. Слово взял **А.А. Пинский**, директор школы №1060 (г. Москва): «Сложившийся концепт ЕГЭ нуждается в модернизации по двум основным вопросам: вопросам добровольности ЕГЭ и вопросам вариативности ЕГЭ. Эти аспекты должны быть усилены.

Логически ЕГЭ совмещает в себе одновременно итоговую аттестацию и вступительный экзамен в вузы. При этом важно понимать, что если выпускной экзамен является обязательным для всякого выпускника школы, то вступительный экзамен в вузы по определению не

может быть обязательным, поскольку у нас нет обязательного высшего образования. Отсюда логически ясно, что ЕГЭ должен быть добровольным. Нужно помнить, что вузы, как правило, принимают к зачету результаты экзаменов на профильном уровне, а для того чтобы успешно пройти итоговую аттестацию, достаточно сдать школьный стандарт и на базовом уровне. Я поддерживаю опасения И.Калины насчет того, чтобы ЕГЭ из прекрасной услуги, предложенной государством людям, не превратился в новую, навязанную государством повинность.

Кроме того, у нас сеть вузов, как известно, перераздута, об этом сказал уже Президент в последнем послании, и, заставляя всех сдавать ЕГЭ, мы невольно стимулируем эту раздутую систему.

Следующий момент — это количество экзаменов. Мне кажется, что в ЕГЭ должно быть три экзамена, и ни один из них не должен быть обязательным. Если 99% вузов нуждаются в русском языке, значит, 99% абитуриентов сдадут ЕГЭ по русскому языку, но это будет их выбор, а не обязательный экзамен. ЕГЭ, на мой взгляд, не должен быть однократным, необходимо организовать возможность сдачи ЕГЭ по предмету 2–3 раза в год — возможно, за дополнительную плату. И, конечно же, я согласен с тем, что говорилось про введение портфолио за старшую школу для учета, в том числе, при зачислении в вузы».

Далее выступил **М.В. Миронов**, проректор МГУ: «Довольно интересно слушать сегодня дискуссии, наблюдая за тем, как сильно меняется позиция идеологов ЕГЭ. Если все оговорки по ЕГЭ, которые сейчас прозвучали, принять, то и смысл ЕГЭ «зависает» полностью. МГУ, впрочем, должен быть этому только рад, поскольку мы против ЕГЭ. Хотелось бы напомнить, что единый экзамен идет пока в порядке эксперимента и еще рано выдавать желаемое за действительное.

ЕГЭ как раз опасен для школ, потому что при той потребности, которая сегодня существует у школьников для поступления в вузы, часть школ просто перестроится и будет натаскивать на тесты ЕГЭ.

Нельзя забывать о связке ЕГЭ и ГИФО. Те суммы ГИФО, которые утвердили на сегодняшний год, около 13 тыс. рублей — это не 3 тыс. долларов, о которых мы говорили когда-то. Эта сумма не позволяет ни одному вузу не то чтобы студента учить, она не позволяет даже как-то реально его поддерживать. И многие университеты, которые с этим столкнулись, уже просто доплачивают за эти ГИФО свои деньги.

Мы сторонники олимпиадного движения. Но олимпиады тоже не спасают от необъективности. В этом году, когда мы объявили

о том, что будем брать без экзаменов победителей региональных олимпиад, мы получили количество победителей, превышающее всякие разумные пределы.

Позиция МГУ — мы готовы были бы принимать результаты ЕГЭ по непрофильным предметам, а по профильным будем проводить свои экзамены».

Слово взял **М.В. Груздев**, замдиректора Департамента образования Ярославской области: «Если единый экзамен считают символом российской образовательной политики, то это беда всех тех, кто занимался последние годы и на федеральном, и на региональном уровне этой самой образовательной политикой. Концепция модернизации образования — это серьезный документ, различные направления которого достаточно тесно и органично между собой связаны. И если пытаться вытаскивать одно из направлений и, извините, обмусоливать его до бесконечности, то в конце концов оно потеряет смысл.

Мы сегодня говорим о том, что Госстандарт — это форма предъявления государством заказа системе образования, а ЕГЭ — это форма независимого контроля того, насколько этот заказ был исполнен. Далее впервые появляется системообразующий элемент всей модернизации, коим я считаю нормативное подушевое финансирование, как механизм, при котором деньги начинают следовать за учеником. Оно позволяет регулировать рынок образовательных услуг — и в этом контексте совершенно по-другому начинает восприниматься проблема реструктуризации сети образовательных учреждений. В этой связи добровольность ЕГЭ неуместна, поскольку это форма контроля со стороны государства за исполнением государственного образовательного стандарта.

Когда мы говорим о субъектах сопротивления и субъектах, инициирующих дискуссию о ЕГЭ, то видим ясно две основные группы. Позиции их совершенно понятны. Вузы не хотят терять деньги, зарабатываемые на поступлении, а учителя — показывать проблемы в своей образовательной деятельности. Сопротивление это надо переламять и действовать жестко. Нельзя же, например, реформируя налоговую систему, опираться только на мнение налоговых инспекторов.

Насчет олимпиад. Все победители олимпиад у нас в области очень успешно сдают ЕГЭ — поэтому олимпиада никого и ничего дополнительно выбрать не может. Нужно, чтобы победители региональных олимпиад имели право поступать без экзаменов в свои региональные вузы. Я категорический противник олимпиад, которые у себя проводят вузы, потому что, по большому счету, это опять

попытка создания какой-то карманной игры с не очень понятными правилами, с системой репетиторов».

Выступивший затем **И.Д. Фрумин**, координатор образовательных проектов Всемирного банка, задал вопрос о том, «действительно ли мы отдаем себе отчет, что делаем обязательными вступительные экзамены в вузы для всех выпускников средних школ». В последовавшей дискуссии было отмечено, что возможен переход к ситуации, когда по окончании школы будут выдаваться аттестаты двух разных видов: один о прослушивании школьного курса, а второй — дающий право на поступление в вуз.

Затем выступил **В.А. Хлебников**, директор Центра тестирования Министерства образования и науки Российской Федерации: «Сейчас имеется заинтересованность и управленцев, и родителей, и учеников в высоких результатах ЕГЭ, поэтому нужно уделять большое внимание обеспечению высокой объективности и надежности результатов. Есть риск увеличения коррупции. Поймать нарушение трудно, наказать пока почти невозможно, административные наказания очень мягкие.

Измерения учебных достижений на государственном уровне сейчас проводятся один раз за 10 лет. И производятся они наскоком. Вывод — нужна система государственного оценивания учебных достижений, может быть, даже введение системы государственной отчетности».

Слово взял **А.В. Валентьев**, директор Ефремовского лицея Тульской области: «Я хочу выступить как практик, учитель математики, который непосредственно принимал участие в подготовке учащихся к ЕГЭ как член экспертной группы по математике. Тульская область впервые вступила в эксперимент по ЕГЭ, и мнение, которое сложилось у меня и моих коллег, состоит в том, что ЕГЭ для школьников должен стать обязательной формой итоговой аттестации для всех. Результаты ЕГЭ используют те, кто поступает в вуз. Причем ЕГЭ обязательно учитываются всеми вузами. Наш опыт показывает, что ЕГЭ способен отследить сильных участников. Вот конкретные примеры соотношения результатов ЕГЭ и олимпиад. Один из учащихся, наш выпускник, Скороваров Александр, первое место на областной олимпиаде по физике, поступил в МФТИ через региональную олимпиаду МФТИ, получил 100 баллов по математике и 81 балл по физике. Тимошин Андрей — 2-е место на областной олимпиаде по математике, поступил в МГУ на мехмат через собственные испытания в МГУ, получил 100 баллов по математике и 99 баллов по физике. Филиппов Ярослав, поступил в МГУ на факультет «наука о материалах» через собственные испытания в МГУ, 97 баллов по математике, 99 баллов по физике.

Есть еще одна проблема — это объективность результатов ЕГЭ. Я узнал от одного из моих выпускников, который живет в одном из южных регионов нашей России, что всех, кого надо, посадили куда надо, кому надо, все решили. У меня есть предложение: Министерству образования выйти с законодательной инициативой в Госдуму об уголовной ответственности за фальсификацию результатов ЕГЭ.

Еще один момент. Конечно, ЕГЭ дает возможность получить реальную картину качества образования. Результаты ЕГЭ наконец-то позволяют привлечь внимание государства к положению учителя. Мы же не случайно получаем такие результаты. Если проанализировать картину тех, кто идет, к примеру, на математические факультеты педвузов, то становится ясно, что от таких абитуриентов мы не вправе ожидать высокого качества образования. И эти 20% неудовлетворительных оценок — это не только результат качества работы учителя. Это результат всей политики государства в области образования».

Затем выступил **Э.М. Соколов**, ректор Тульского университета: «Адаптация к ЕГЭ проходила довольно трудно, а поэтому у нас такое предложение: адаптационную процедуру провести раньше, после 9 класса. Этот мини-ЕГЭ позволит ученику легче оценить свои знания и на следующем уровне.

Сегодня в регионах подготовка в вузах не хуже, чем во многих столичных вузах. ЕГЭ следовало бы, наверное, поднять на несколько иной уровень для того, чтобы оценить, а кто же выходит из вузов, каково качество получения знания студентами. Это тоже наше предложение. В целом же мы с большой осторожностью относились к ЕГЭ, но сегодня мы целиком и полностью его поддерживаем».

Затем слово взяла **И.М. Хакамада**, сопредседатель РОСРО: «По-моему, анализ проведенного эксперимента показывает, что чем дальше, тем больше система усложняется. Чем больше она усложняется, тем меньше она жизнеспособна; все становится настолько сложным, что непонятно вообще, для чего мы все это делаем. Ни в одной реформе, в том числе и в реформе образования, мы ни разу не попробовали идти от запроса самих участников процесса, в данном случае родителей и детей.

Может быть, пойти по принципу действительно либеральному, впервые в жизни? Все выпускники имеют право с результатами ЕГЭ поступать в вузы. Те, кто хотят использовать свои баллы, чтобы поступить в не очень престижные вузы и у них на это баллов хватает, могут спокойно поступать. А тот, кто имеет большие амбиции, вне зависимости от этого формального тестирования, обязательного

в школе, может добровольно поступать в любой вуз, сдавая обыкновенные экзамены.

Нужна реформа, которая, наконец, впервые в жизни позволит самому объекту стать субъектом выбора, когда не за него выбирают, когда он выбирает. Это, может быть, будет единственный способ проанализировать — наш эксперимент положителен или отрицателен? Потому что если в результате такого либерального выбора окажется, что все стали использовать ЕГЭ, значит, он хорош, значит, он достиг совершенства. А если мы увидим, что по нему идет очень маленькой струйкой поток, а все ломаются и сдают традиционно экзамен, значит, он неэффективен, значит, его обязательность для поступления надо отменять. Давайте попробуем, раз это продолжение эксперимента, идти от общества».

После выступления И. Хакамады разгорелась оживленная дискуссия о том, можно ли доверять в данном случае таким субъектам образовательного процесса, как родители, — ведь многие обучают детей в так называемых договорных школах, где за дальнейшее поступление в вузы уже заплачены деньги. Можно ли и нужно ли считать такими «субъектами» вузы и в какой мере учитывать их интересы? Отвечая на эти вопросы, И. Хакамада сказала: «Я считаю, что все вузы должны принять этот экзамен; я говорю о добровольности со стороны детей, потому что ко мне обращается в регионах огромное количество детей старших классов и их родителей. Они говорят: «Мы не хотим сдавать, мы готовы сдавать этот экзамен в качестве обязательного, констатирующего наше общее образование, но мы категорически против того, чтобы отвечать на такие тесты, чтобы согласно этим критериям нас принимали в вузы». И прежде всего гуманитарии против, ведь это тестирование просто безобразное; мозги, интеллект никто не будет учитывать. Так что вот формула: ЕГЭ доброволен для ученика, но обязателен для вуза».

Очень эмоционально возразил И. Хакамаде **В.М. Филиппов**, помощник Председателя Правительства по вопросам образования: «Когда мы начинали эксперимент с ЕГЭ, то проводили опросы на тему: общество довольно вступительными экзаменами существующими или недовольно? По данным ВЦИОМа, абсолютное большинство сказалось — надо менять существующую систему вступительных экзаменов и создать прозрачную. Я много раз говорил журналистам, что если общество нам скажет — ничего не меняйте, а оставьте существующую систему вступительных экзаменов, то мы перекрестимся и скажем: «Спасибо, слава Богу!»

Еще спрашивали, причем многих преподавателей и учителей школ, довольно ли общество существующей системой выпускных

экзаменов в школе? Абсолютное большинство данных по ВЦИОМу показало, что общество недовольно и не признает объективность выпускных экзаменов в школе.

Теперь, если пойти за логикой И. Хакамады, то это значит, что вуз будет принимать экзамен ЕГЭ, но одновременно принимает и сам свои вступительные экзамены. Я вас уверяю (я тоже ректор университета), что все, кому надо, придут к ректору и поступят. А все, кто придет по ЕГЭ, они не поступят. А нам Хакамада сказала, что по этим вступительным тестам в вузы принимать нельзя, это мнение родителей. Значит, сохранять старую несправедливую систему?»

Комментарий по качеству экзаменационных материалов в ЕГЭ дал руководитель Федерального агентства по надзору в сфере образования **В.А. Болотов**: «В Санкт-Петербургском университете под руководством ректора Л. Вербицкой, которая, кстати, сомневалась по поводу ЕГЭ, создали комиссию по оценке КИМов по русскому языку. Ее вывод: контрольно-измерительные материалы по русскому языку соответствуют целям и задачам школьного образования, и Санкт-Петербургский госуниверситет готов расширять число предметов по ЕГЭ, которые он будет учитывать у себя при поступлении».

Затем выступил заместитель директора школы №57 г. Москвы, учитель русского языка и литературы **С.В. Волков**: «Я бы хотел сказать о мотивах сопротивления ЕГЭ, которые существуют у определенной части учителей. Для сторонников ЕГЭ часто колонны противников не различаются, они всех воспринимают скопом. Мне кажется, это очень большая ошибка со стороны тех, кто ЕГЭ защищает,— не понимать, что люди протестуют по разным мотивам.

Учителей сейчас часто обвиняют в сопротивлении ЕГЭ потому, что им якобы не хочется показывать на людях низкий результат своей работы. А вот когда их с помощью ЕГЭ выведут на чистую воду, тогда и выяснится, как они плохо работают. Только я одного при этом не понимаю: их всех из школы выгонят тогда и наполнят школу новыми замечательными учителями, которые стоят в очереди к школьным дверям?

Мотив для неприятия ЕГЭ совершенно другой, по крайней мере у части учителей. Учителя, например, литературы чувствуют реальную угрозу существованию своего предмета в школе в условиях введения ЕГЭ, потому что форма экзамена подстраивает под себя формы работы в течение долгих лет школьной жизни. И если сейчас есть на выходе сочинение (даже со всеми его издержками), то на протяжении обучения конкретный учитель может, давая удачные темы, не позволяя в своем классе списывать, формировать

осмысленный навык, обучать составлять связный, доказательный текст. А если в течение десяти лет я буду формировать навык решения тестов по литературе, то предмет перестает быть. Государство не понимает часто, что предмет изучается в школе не для того, чтобы его удобно было сдавать!

Если же литература встроится в ЕГЭ, то превратится в предмет по выбору, потому что обязательный экзамен уйдет, — а за этим последует сокращение часов, что у нас тоже делается, и все знают, как это происходит.

И еще одно: никто пока не объяснил учителю, почему ему отказывают в праве участвовать в оценке своей долговременной деятельности. Он воспринял это как факт недоверия к себе. Значит, чего вы тогда хотите получить от учителя? Чтобы он превратил свои уроки в грубое натаскивание на ЕГЭ, чтобы потом о нем хотя бы не судили плохо, а программа и предмет — да гори они огнем!»

С высказанной позицией не согласился В.М. Филиппов. Он сообщил, что был проведен опрос десятков тысяч учителей в 89 регионах России, и только 40% из них высказались за сохранение сочинения.

Далее слово взяла **М. М. Безруких**, директор Института возрастной физиологии РАО: «Мне кажется, что наши споры о том, что сейчас происходит с ЕГЭ, связаны с тем, что мы плохо представляем себе возрастную физиологию и психологию выпускника школы. Нам нужно смириться с тем, что 20% детей, действительно, не смогут выдержать какие-то экзамены. И при этом ни государство, ни учитель, ни школа не виноваты. К ЕГЭ же нужно отнестись просто как к одному из вариантов оценки того, что умеет ребенок, и к тому, с чем он может прийти учиться в вуз. Единственный его плюс в том, что он дает возможность ребенку не сдавать экзамен дважды. Никаких проблем и вопросов с ЕГЭ не было бы, если бы вузы согласились брать детей с результатами ЕГЭ».

Затем выступил **А.Г. Шмелев**, профессор МГУ, руководитель Центра тестирования «Гуманитарные технологии»: «Термин “единый” — это идеологическая словесная ловушка. Население вообще нигде никогда экзамены не любит. И если их вообще никогда не сдавать, еще будет больше довольных. А тут подцепили на этой скрытой мотивации: мол, народ, не надо два сдавать, давай один раз сдавать. В том-то и дело, что ЕГЭ — это единство измерителя. А раз так, то надо было честно сказать: измеритель — это как раз такой инструмент, который позволяет сдавать не один раз вместо двух, а вообще много раз. Так что готовьтесь к тому, что всю жизнь придется сдавать экзамены, только максимально добросовестные экзамены, более объективные, с меньшим количеством подвохов

и всевозможных пакостей. Вы имеете право ошибиться, передать, ваша судьба не решается за один раз. Тогда бы и протестная волна была намного меньше. А иначе нарастает коррупционная опасность уже в отношении ЕГЭ — ведь если сдается один раз, то значит, вот тут-то и нужно все подмучлевать».

Затем взял слово **В.Ж. Куклин**, директор Научного центра системных исследований информационных ресурсов МГУС: «Пока я слушал наше обсуждение, я понял, что ЕГЭ как эксперимент уже сыграл свою роль для системы образования. Даже если его сейчас прекратить неожиданно, все процессы, им инициированные, пойдут в правильном направлении, если не из центра, то в регионах.

Вторая мысль заключается в следующем. ЕГЭ опасен при неумеренном энтузиазме его внедрения. Одна из опасностей состоит в том, что у нас сейчас уже с помощью ЕГЭ пытаются оценивать деятельность учителя. Я, как математик, против всех крайних подходов, как «обязательно для всех и всегда», так и «необязательно ни для кого и никогда». И поэтому здесь ни позиция МГУ, ни позиция А. Пинского меня не устраивает, но мне очень нравится, что ЕГЭ уже выступает неким интегратором единого образовательного пространства. Споря о ЕГЭ, нужно рассматривать его как базовый элемент системы национальной оценки качества образования. А вот его результаты могут использоваться и в сторону школы, как фильтр на выпуске, так и сторону вуза, как фильтр на входе.

Я, как математик, предложил бы экзамен по математике из числа обязательных вывести, для того чтобы можно было бы на математике проверять именно профильную направленность и ориентацию тех, кто пришел сдавать этот предмет по выбору. Тогда было бы легче делать КИМы по математике. Математики, я думаю, не боятся того, что их предмет сократят в часах.

Имело бы смысл сосредоточить усилия и интеллектуальный потенциал такого влиятельного сообщества, как РОСРО, на том, чтобы найти точки максимального приложения сил и максимального эффекта относительно ЕГЭ, как в смысле технологии, так и в смысле взаимодействия разных уровней образования.

Затем слово было предоставлено руководителю Федерального агентства по надзору в сфере образования **В.А. Болотову**: «Мы спорим уже четвертый год про ЕГЭ, причем каждый год ситуация с обсуждением, недоверием, сомнениями воспроизводится в каждом новом регионе. Сегодня туляки выступали, и вот смотрите — и ректор, и директор школы, и управленцы выступают командой. Я знаю мнение других руководителей образования в Тульской губернии, разговаривал с руководителями и с учителями, преподавателя-

ми, они уже говорят: «Да, есть над чем работать, но выбор уже сделан». Давайте понимать, что реальная картинка, которую мы получаем по ЕГЭ, — это первый раз полученная сколько-нибудь, пусть с поправками, но независимая оценка.

Да, открывается неприятная правда. Вот по математике, где тотальный экзамен, 20% двоек — что с этим делать? Отбирать аттестаты, два типа аттестатов давать? Убрать математику как обязательный предмет? Это уже решение не чиновников, это решение общества, и в этом плане мы очень благодарны РОСРО, которое обсуждает эти вопросы. Мы не имеем права внутри одного ведомства принимать решения, которые задевают 90% населения России, не проконсультировавшись с общественностью.

Многие губернаторы говорят, после того как начинаешь с ними разговаривать про ЕГЭ, что ЕГЭ — это социальный лифт. Ведь Президент в этом году не случайно поставил вопрос о доступности качественного высшего образования для людей независимо от места проживания. Олимпиада — один путь, второй путь — ЕГЭ. Давайте, обсуждая систему дополнительных испытаний в вузы, откровенно говорить, что завтра при этих дополнительных испытаниях у вуза появится соблазн готовить к этим дополнительным вступительным испытаниям за деньги. Поэтому мы вернемся к тому, от чего мы уходим.

Хорошо поставленная задача — это половина решения. Нужно сейчас четко оформить все развилки, все точки выбора, все «pro и contra», посмотреть, какие угрозы, социальные риски, риски ведущих учебных заведений существуют. Надеюсь, что РОСРО продолжит эту работу».

Затем выступил **В.М. Филиппов**, помощник Председателя Правительства по вопросам образования: «Нам надо спросить академическое сообщество, и учителей, и преподавателей вузов, как грамотно построить содержательную часть ЕГЭ, на чем проверять знания.

Президент поставил задачу создания более объективной системы поступления в вузы, чтобы дети могли поступать в вузы вне зависимости от места их проживания. Был придуман ЕГЭ. Если кто-то предложит другую систему, многократную, которая позволит поступать в высшие учебные заведения Москвы, Петербурга, не приезжая из Сибири, с Дальнего Востока, давайте ее рассмотрим. Предложите любую другую систему, вот говорю шестой год подряд — никто ничего не предлагает.

Теперь о добровольности ЕГЭ. Да, может быть, пока, на данном этапе, правильно говорить о том, чтобы ЕГЭ был добровольным для

выпускника школы. Но он должен быть обязательным для вузов, более того, нельзя не вводить обязательность для вузов. Если мы этого не сделаем — то все, доступность рушится, ребенок издалека, из Сибири, должен будет ехать куда-то, хоть один экзамен, но сдавать. Какая ему разница — один или три сдавать экзамена, деньги тратить все равно.

Давайте спросим родителей и выпускников: вы за то, чтобы сдавать две серии экзаменов, июньскую или июльскую, или за то, чтобы сдавать один раз и посылать результаты в десять, двадцать вузов, вместо того, чтобы ехать в один конкретный вуз и там сдавать экзамены? Я просто уверен, что они ответят. А значит, мы должны будем выполнить заказ потребителей».

С заключительным словом выступил **Я.И. Кузьминов**: «Я считаю — и в этом не согласен с И. Хакамадой — что есть интересы академического сообщества. Они связаны с тем, чтобы отобрать наиболее талантливых продолжателей своего дела. Да, академическое сообщество нанято обществом, для того чтобы в широком смысле воспитывать и образовывать учеников и студентов так, как это нужно обществу. Общество не очень хорошо понимает, как нужно, и в основном доверяется академическому сообществу. Я говорю об интересах академического сообщества там, где оно есть, а не о занявших его место людях, которые пытаются просто делать свой бизнес или стричь имущественную ренту. Эти люди, к сожалению, достаточно многочисленны. У нас научной работой 20% сотрудников вузов занимаются, следовательно, людей с академическим менталитетом в вузах осталось 20%, вот об этом давайте подумаем. А 80% — это люди, которые работают в вузах за деньги, и им все равно, каким образом деньги получать. Есть проблема репутации — и в этом отношении академическое сообщество безусловный партнер государства, партнер правительства, и значительную часть РОСПО представляет это академическое сообщество. Я думаю, что нас надо спрашивать точно так же, как родителей и детей, я на этом настаиваю. Но надо говорить об академическом сообществе, о тех, кто имеет научные достижения, научные интересы, а не о людях, которые занимают уютные позиции репетиторов у входа в храм науки. Я думаю, что и в МГУ, и в МГИМО, и в ГУ-ВШЭ таких людей полно, и не надо нам себя с ними отождествлять, это люди другого класса в основном.

Еще несколько общих слов. Меня не оставляет ощущение, что люди, которые выдвинули реформу, до сих пор обороняются, а не наступают. Оборона реформы — это ее поражение. Продвижение реформы — это ее усложнение, усложнение первоначальной идеи,

появление встроенных механизмов, демпфирующих выявленные риски, отвечающих на возражение. Простого решения не бывает, потому что общество — очень сложная система. Поэтому нельзя упираться в отработанную форму, надо слушать оппонентов, потому что две трети оппонентов выступают не потому, что им обидно, что ты сидишь на этом месте, а они в зале. Оппоненты Единого экзамена, оппоненты предлагаемой реформы имеют содержательные соображения, надо учиться отвечать на них. И на мой взгляд, нельзя все-таки упираться в защиту одной заранее определенной формы этого национального испытания. Мне кажется, что это будет неправильно, что это путь в никуда, что это ошибка.

Я считаю, что нам нужно иметь два варианта школьного аттестата и два варианта Единого экзамена. Единый экзамен, основанный на тестах, и Единый экзамен, основанный на том, что это нормальная письменная работа, в случае литературы — сочинение, в случае математики — просто нормальная письменная работа. Кому что будет по силам. Первый вариант мог бы дать, скажем, максимум 70 баллов, а второй вариант — 120 баллов. И он бы смыкался с олимпиадной системой. Я пытаюсь поддержать тех коллег, которые говорят, что нужно искать разные варианты и не делать систему чрезмерно жесткой. Чрезмерно жесткая система в нашей стране очень плохо управляема, это источник коррупции».